

При оценке характера информационных процессов мы исходим прежде всего из того, насколько известна отправителю та цель, которую преследует в данный момент приемник сообщения, насколько сообщение ориентировано на эту цель. Информационный процесс, при котором отправитель, пусть условно, однозначно определяет цель, преследуемую в данный момент приемником сообщения, мы называем *одноцелевым* информационным процессом. Информационный процесс, при котором отправитель лишь с известной степенью вероятности определяет цель, преследуемую в данный момент приемником сообщения, и ориентирует сообщение одновременно на ряд возможных целей, мы называем *многоцелевым* информационным процессом.

Одноцелевой информационный процесс находит наиболее рациональное использование в деловой информации. В идеале — это инструкция. Процесс может быть использован и при передаче научной информации — в докладе, статье, учебнике, монографии, но совершенно ясно, что он не может быть здесь абсолютно доминирующим. Характерная черта одноцелевого процесса — сравнительно высокий удельный вес синтаксической информации по отношению к смысловой на каждую означающую единицу. Код поддается упрощению, которое имеет следствием удлинение речевой цепи. В коде рациональным образом используется произвольность (свободный характер) связи означающего и означаемого. Многоцелевой информационный процесс находит наиболее рациональное применение при передаче художественной и публицистической информации. Процесс может преобладать, хотя и не доминировать, при передаче научной информации. Многоцелевой информационный процесс характеризуется сравнительно высоким удельным весом смысловой информации по отношению к синтаксической на каждую значащую единицу. Значащая единица при таком процессе представляет собой, по выражению Р. Г. Пиотровского, «многомерную систему, входя в несколько ассоциативных рядов или парадигм», вследствие чего в нее «упаковано большое число дополнительных значений»²¹.

Принципиальная схема «упаковки» дополнительных значений с восемью ассоциативными рядами, данная Р. Г. Пиотровским на с. 22 рецензируемой книги, имеет, на наш взгляд, основополагающее теоретическое значение еще и потому, что она дает наглядное представление о том, что досистемная, обусловленная внутренней структурой знака мотивированность связи означающего и означаемого трансформируется в речевой деятельности в системную мотивированность, дополняя и модифицируя узуальный код.

Для извлечения дополнительной информации, «упакованной» в языковые единицы, широко используется модификация кода, дополнительные текстовые коды, со специальными приемами, основанными на смежности и сходстве означающего и означаемого: метонимизации и антонимизации (в грамматическом, словообразовательном и лексическом планах), метафоризации и даже, например, звукового символизма (см. яркие примеры в книге И. Р. Гальперина, с. 43—53) и ритмизации, связанной с насыщением смысловой информацией фигуры, за счет уменьшения приходящейся на ее долю синтаксической информации. Широкое применение находят и ситуативные коды, с опорой на речевую ситуацию, с применением «шифтеров»²², использованием наряду со знаками сигналов.

В многоцелевых процессах эффективно применяются комбинаторные и суперсегментные, неквантованные по своему характеру способы выражения грамматических значений, как-то: «естественный» порядок слов, интонация и др., носящие «диаграмматический»²³ характер, т. е. опять-

²¹ Пиотровский Р. Г. Указ. соч., с. 30.

²² Например, местоимений, показателей грамматического времени и пр. см. Jakobson R. Shifters, verbal categories and the Russian verb. Harvard, 1957, p. 2.

²³ О «диаграмматичности» этих способов см. Булыгина Т. В. Язык в сопоставлении со знаковыми системами иных типов. — В кн.: Общее языкознание. Ч. 1, «Наука», 1970, с. 150.